

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
доктор экономических наук,
директор Института проблем глобализации

ЧТО ЖДЁТ РОССИЮ В 2008 ГОДУ?

ОТКАЗ ОТ РАЗВИТИЯ

Уже к 2004 году российская бюрократия завершила процесс реформ, начатый в явной форме в 1987 году и заключающийся в эмансипации от общества, то есть обособления от него и освобождения от всякого внешнего по отношению к бюрократии контроля.

Бюрократия получила полную свободу произвола в обмен на внешнюю (причем именно внешнюю!) лояльность политическому руководству. Демократия как институт принуждения государства к ответственности перед обществом практически искоренена, что сделало невозможным демократическую модернизацию.

Авторитарная же модернизация (более простая технологически и управленчески) невозможна, так как требует ответственности элиты перед обществом, что органически недоступно нынешней элите, сформировавшейся в процессе разрушения и разграбления собственной страны.

К настоящему времени сложился и полностью оформился симбиоз двух соперничающих бюрократических группировок: либеральных фундаменталистов, отбирающих деньги населения в пользу бизнеса, и силовой олигархии, отбирающей эти деньги у бизнеса для непроизводительного потребления. Данная модель экономики, представляющая собой двухступенчатый пищеварительный тракт, носит несравнимо более "самоедский" характер, чем советская.

Эта система, занятая личным потреблением, концентрирует всю государственную власть в руках одного-единственного человека. Глава государства является основным источником всякого права, что автоматически ставит его над законом.

Подмены всей государственности одним-единственным человеком и возложения на него бремени принятия всех сколько-нибудь значимых решений уже достаточно для крайней уязвимости и неустойчивости системы. Если же дополнить ее стратегической безответственностью и беззаконием, возведенным в основополагающий принцип, эта система управления становится нежизнеспособной, обреченной на саморазрушение.

При этом все ее участники, обладающие политическим и управленческим влиянием, полностью довольны сложившейся системой и категорически не заинтересованы в общественном развитии как таковом, в том числе в экономическом развитии.

Не только модернизация, но и простое инерционное развитие невозможно в данной модели даже по чисто институциональным причинам.

Невозможность развития обрекает сложившуюся в России общественно-политическую систему на крах: растраниживание любых, сколь угодно значимых резервов прочности с последующим падением в спровоцированный ею самой системный кризис.

События последних месяцев во многом прояснили траекторию падения в этот кризис и его сценарий.

1. ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

1.1. Ухудшение глобальной конъюнктуры: цены на продовольствие

Глобальное подорожание продовольствия вызвано сочетанием фундаментальных и краткосрочных факторов.

К последним относятся разовая отмена 30-процентных субсидий Евросоюза на молоко и молокопродукты и сокращение поголовья свиней в Китае из-за эпизоотии.

Из фундаментальных причин обычно называют три – изменение климата (вызвавшее в этом году масштабную засуху и неурожай зерна), увеличение спроса со стороны успешно развивающихся стран, в первую очередь Китая, и рост популярности биотоплива (которое производится из продуктов питания или культур, выращиваемых на территориях, на которых можно выращивать эти продукты).

Однако есть еще как минимум одна, исключительно значимая фундаментальная причина удорожания продовольствия, о которой, как правило, забывают: миграция глобальных спекулятивных капиталов, “горячих денег” на новые рынки.

После болезненной корректировки американского фондового рынка в апреле 2000 года и краха “новой экономики” глобальные “горячие деньги” пошли в минеральные ресурсы (и, в меньшей степени, на рынки недвижимости, ликвидность которой существенно ниже, чем биржевых товаров). Сегодня они начинают рассматривать в качестве спекулятивных ресурсов новые натуральные активы – продовольствие, которое не менее важно для развития человечества, чем нефть, и спрос на которое мало эластичен по цене.

“Возгонка” цен на продовольствие нанесет страшный удар по бедным странам, закупающим продукты питания: их ждет голод и даже вымирание, если они не научатся производить их сами (а для этого нужен умеренный протекционизм, то есть отказ от либеральной идеологии, и системный конфликт с Западом).

Однако нас интересует Россия.

Прежде всего удорожание продовольствия болезненно ударит по основной части населения нашей страны. Ведь не стоит забывать, что Россия еще не достигла советского уровня потребления даже в среднем. Так, в 1989 году потребление мяса оценивалось в России на уровне 73 кг на человека в год при норме около 80 кг. В 2006 году оно составило лишь 55 кг. Аналогичное положение с потреблением молока и молочных продуктов – в настоящее время их потребление составляет 235 кг на душу населения (в СССР – 392 кг), а рыбы – 12 кг на человека в 2006 году по сравнению с 20 кг в 1989 году.

При этом, по данным центра Левады, в ноябре 2007 года 50% россиян считало недостаточным потребление своей семьей рыбы и рыбопродуктов, 49% – мяса и мясопродуктов, столько же – фруктов, ягод и соков, 40% – молокопродуктов, включая животное масло и сыры, 12% – бакалейных продуктов (включая макароны и крупы), столько же – картофеля и овощей (это точно соответствует доле населения, которой не хватает денег на еду). О высокой значимости этого опроса свидетельствует то, что доля затруднившихся ответить по каждой товарной позиции была менее 0,5%.

Ухудшение положения с продовольственным обеспечением населения из-за роста цен чревато серьезной социально-политической дестабилизацией.

В финансовом отношении удорожание продовольствия (в январе-августе 2007 года импорт сельскохозяйственной продукции превысил ее экспорт в 3,9 раза, составив 17 млрд долл. против 4,4 млрд) означает для нашей страны ускоренное сокращение положительного сальдо внешней торговли. Если в прошлые годы глобальные спекулятивные капиталы вздували цены на товары российского экспорта, содействуя качественному улучшению нашего финансового положения, то теперь маятник начал движение в другую сторону – эти же спекулятивные капиталы начинают повышать цены на товары российского импорта.

Поскольку зависимость России от импорта сельхозпродукции огромна (в частности, наша страна ввозит половину используемого молока, около половины

свинины, почти три четверти говядины), то глобальное удорожание продовольствия автоматически передается на внутренний рынок, способствуя ускорению инфляции. При этом в первую очередь снижается уровень жизни наименее обеспеченной части общества, тратящей на еду наибольшую часть своих средств.

1.2. Ухудшение глобальной конъюнктуры: капиталы

Ипотечный кризис в США, затронувший Великобританию и “качнувшийся” всю мировую финансовую систему, не случаен. Он отражает завершение этапа оживления экономики развитых стран при помощи смягчения финансовой политики. Теперь приходит время ужесточения этой политики, соответственно, удорожания денег, увеличения стоимости кредитов и возвращения капиталов с рискованных рынков (включая Россию) на развитые.

Ипотечный кризис лишь ускорил процесс сокращения притока капиталов в Россию, начавшийся задолго до него. В 2007 году вал притока частного капитала в Россию начался в марте, когда его чистый объем достиг 17,4 млрд долл., продолжился в апреле – 18,8 млрд и ускорился в мае – 29,1 млрд долл., но практически сошел на нет уже в июне, составив в этот месяц (когда бизнес еще не уходит на “летние каникулы”) лишь 4,8 млрд долл.

Таким образом, массивный приток частного капитала в Россию закончился уже во II квартале, хотя по статистическим причинам он стал рекордным, что породило новые, уже вполне безосновательные надежды. В III квартале отток частных капиталов вновь превысил приток, причем сразу на 9,4 млрд долл. – максимум за все время правления Путина.

Еще более наглядно характер изменения движения капитала виден при анализе его помесячного валового притока и оттока (при этом не рассматривается движение “черных капиталов”, полностью нелегальных, невидимых государству и потому поддающихся лишь сальдированному учету). В январе 2007 года отток и приток капиталов примерно совпадали – 3,5 и 3,7 млрд долл. соответственно. В феврале отток составил 11,1 млрд долл. и стабилизировался на этом уровне на три месяца (в марте – 10,8, в апреле – 11,3 млрд долл.). А вот валовой приток капитала в эти же месяцы стремительно нарастал: февраль – 13,4, март и апрель – соответственно 27,1 и 28,1 млрд долл. В рекордном мае валовой отток капитала упал вдвое – до 6,4 млрд долл., а приток “подпрыгнул” до 38 млрд, но уже в июне тенденция переломилась: отток вырос до 14,3, а приток сократился до 15,2 млрд долл.

1.3. Усиление коррупционного давления

Политическая неопределенность пугает бюрократические кланы России, и их страх стремительно нарастает по мере приближения срока назначения (под видом выборов) нового президента. Помимо обострения межклановой борьбы, нарастающий страх ведет к росту поборов, накладываемых правящей бюрократией на бизнес: чиновники хотят создать “подушку безопасности” на случай любого развития событий и готовы ради этого “оторвать вымя” у своих коммерческих “дойных коров”. Антикоррупционное прикрытие обострившейся межклановой войны повышает общий страх чиновников и, соответственно, повышает взятки – бизнес платит уже не только за страх чиновников перед утратой власти после назначения президента, но и за их страх перед утратой свободы в ходе межклановых разборок.

Менеджмент компаний также качественно усилил масштабы воровства. С одной стороны, это вызвано традиционной причиной: в условиях крайней слабости и неукорененности в общественном сознании традиций и институтов (от семьи до суда) источником общественной морали поневоле является государство, своим поведением объективно подающее обществу сигнал “делай, как я!”. Менеджмент компаний видит, что государство в лице правящей бюрократии откровенно грабит их бизнес, и не понимает, почему должен относиться к своему “хозяину” лучше, чем относится государство. Интенсификация грабежа бизнеса в преддверии смены власти в условиях зияющей нерешенности проблемы-2008 автоматически откликается аналогичной интенсификацией внутрикорпоративного воровства.

С другой стороны, большинство российских корпораций (не приобретенных иностранным бизнесом) находится “под крышей” той или иной бюрократической группировки, и менеджмент этих корпораций понимает, что возможное поражение этой группировки и даже ослабление ее позиций в межклановой борь-

бе в результате “не того” назначения президента может привести к разрушению корпорации, в которой они работают, или, как минимум, к смене ее менеджмента. И то, и другое обернется для них потерей работы – и они стараются застраховаться от этой опасности повышением интенсивности текущего воровства.

Таким образом, нарастание политической неопределенности ведет к росту транзакционных издержек бизнеса из-за роста масштабов коррупции и усиления воровства менеджмента – при том, что финансовое положение бизнеса и так подорвано ухудшением конъюнктуры.

2. ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

2.1. Выход инфляции из-под контроля

В августе инфляция составила 0,1%, в сентябре – 0,8%, в октябре – 1,6%. С января по октябрь она составила 9,3%, превысив уровень всего 2006 года (официальный годовой прогноз на 2007 год – 8%). Несмотря на снижение в ноябре, по итогам года она составит не менее 11%. Подчеркнем: речь идет об официальной инфляции, которая занижается, по ряду оценок, не менее, чем в 2,5 раза.

Ожидать замедления инфляции в 2008 году не приходится: бюджетные расходы IV квартала превысят плановый уровень в 2,3 раза и составят 46% всех расходов 2007 года, что вновь, впервые после дефолта, сделает инфляцию монетарной. Рост же внутренних оптовых цен на газ (во многом определяющий рост тарифов на электроэнергию и услуги ЖКХ) ускорится почти вдвое и составит с 1 января 2008 года 25%.

Непосредственная причина всплеска инфляции – удорожание продовольственных неплодоовощных товаров: с 1,6% в августе до 2,2% в сентябре, на 8,1% за январь-сентябрь по сравнению с прошлогодними 6,6%.

Помимо повышения мировых цен на продовольствие, значительную роль в этом сыграли особенности развития внутренних российских рынков.

Так, непосредственной причиной повышения цен на внутреннем рынке стало ускорение экспорта злаков: в январе-августе он вырос вдвое – до почти 1,5 млрд долл., и его рост продолжает нарастать: в сентябре вывезено 2,4 млн тонн, а в октябре – 3,1 млн тонн только зерновых. Введенные вывозные пошлины заведомо недостаточны для его сдерживания, а товарные интервенции, как и в предыдущие годы (с 2003-го, когда они начали применяться), недостаточны по объемам и осуществляются с опозданием, в результате чего они помогают перекупщикам, а не производителям.

Цена недееспособности правительства в сфере рыночного регулирования высока. За январь-октябрь хлеб подорожал на 21,3% по сравнению с 9,0% в аналогичном периоде прошлого года, макароны – на 17,3 против 3,9%, крупа – на 19,2 против 11,0%.

На юге России почти вдвое подскочили закупочные цены на семена подсолнечника. Причина – массовое хаотичное строительство заводов по производству подсолнечного масла. По оценкам, все вместе они могут (и должны для окупаемости инвестиций!) перерабатывать 9 млн тонн семян подсолнечника в год при среднем урожае около 6,2 млн тонн.

Понятно, что избыточный спрос со стороны производителей растительного масла вызывает жестокую конкуренцию между ними. В результате крупнейшие производители, обладающие финансовыми резервами, скупают подсолнечник почти по любой цене – во-первых, чтобы обеспечить себя сырьем и не простаивать и, во-вторых, чтобы обеспечить концентрацию рынка и вытеснить с него владельцев более мелких заводов.

Инфляционные последствия такого повышения закупочных цен понятны: уже в следующем году они могут вызвать новый скачок цен на растительное масло. Однако и подсолнечное масло из семян старого урожая за девять месяцев подорожало на 17,2% (а в октябре еще на 25,3% – всего на 42,5%).

Удорожание зерна способствует удорожанию продукции животноводства не меньше, чем рост мировых цен на нее. За январь-октябрь 2007 года цены на сливочное масло выросли на 31,9% против 4,6% за аналогичный период прошлого года, на молоко – на 22,7% против 5,8%, на мясо – на 6,4% против 4,5%.

Инфляционная волна захлестывает новые сектора экономики, в которых в первые девять месяцев удалось достичь ценовой стабильности.

Так в конце октября не связанные с крупными нефтяными компаниями владельцы АЗС собрались обратиться к правительству с просьбой заморозить оптовые цены на бензин по всей стране, так как за вторую половину октября они выросли настолько, что рентабельность независимых заправщиков снизилась до критической отметки.

Рост цен на топливо вызван ростом мировых цен на нефть, стимулировавшим экспорт нефтепродуктов, и нежеланием правительства защищать интересы внутреннего рынка.

2.2. Капитализация: конец “последней халявы”

В российском крупном и крупнейшем бизнесе уже несколько лет распространена такая специфическая форма фальсификации отчетности, как оформление расходов в виде инвестиций. Это оказалось действенным инструментом не только завышения прибыли, но и сокрытия убытков при обеспечении резкого роста капитализации компании. *В самом деле: если компания, имеющая расходы в 1 млрд руб. и доходы в 950 млн, показывает 200 млрд руб. расходов в качестве инвестиций (а международные нормы бухгалтерского учета в принципе позволяют делать это), она из убыточной превращается не просто в высокоприбыльную, но еще и в бурно развивающуюся, вкладывающую значительные средства в свое будущее.*

Это дополнительно улучшает ее имидж и способствует росту капитализации, что позволяет ей брать значительные кредиты (а то и просто продавать акции) для покрытия текущих убытков.

Ясно: такое “развитие” не может продолжаться долго. Похоже, ухудшение глобальной финансовой конъюнктуры, вызванное ипотечным кризисом в США и удорожанием продовольствия, положило конец этой модели ведения бизнеса.

Поток денег с Запада практически прекратился. Банк “Тинькофф кредитные системы” смог “с ходу” разместить облигации лишь на 270 млн руб. из намеченных 1,5 млрд – причем с чудовищной доходностью в 18%, которой на рынке не было более 4 лет! Масштаб рублевых заимствований резко сократился, стоимость возросла, и на оживление рынка даже самые большие оптимисты рассчитывают лишь к концу I квартала 2008 года.

Результат налицо: средний процент по кредиту для среднего и крупного бизнеса вырос с 10 до 13–14%. Для бизнеса, привыкшего не просто жить, но и покрывать растущие убытки за счет все новых кредитов, получаемых под рост капитализации, это означает катастрофу – прокол “финансово-статистического пузыря”.

2.3. Кризис частного внешнего долга

Внешний долг российского бизнеса стремительно растет с 2002 года. Если за 2000 год он увеличился на 7,5% (с 29,2 до 31,4 млрд долл.), а за 2001-й – на 10,6% (до 35,2 млрд), то за 2002-й – уже на 36,4% (до 48 млрд долл.), за 2003-й – на 66,7% (до 80 млрд долл.), за 2004-й – на 35% (до 108 млрд долл.), за 2005-й – на 62,1% (до 175,1 млрд), за 2006-й – на 49,1% (до 261,1 млрд) и за первую половину 2007 года – на 31,4% (до 343 млрд долл.).

Доля частного долга в общем внешнем долге Российской Федерации увеличилась за рассматриваемое время с 20,9 до 89,1%.

Стандартные причины роста внешнего долга у всех на слуху:

- сравнительная дешевизна и доступность внешних кредитов;
- повышение кредитного рейтинга России;
- дефицит объектов для привлекательных инвестиций в развитых странах;
- отсутствие общедоступного кредита в России, в том числе из-за вывода государством капиталов на Запад в виде наращивания Стабфонда и золотовалютных резервов Банка России;
- отсутствие каких бы то ни было ограничений у государственных корпораций;
- стремление российского бизнеса получить “крышу” в виде западных кредиторов.

Однако не менее значимой причиной наращивания частного внешнего долга является потребность российского бизнеса компенсировать за счет внешних кредитов скрываемые убытки.

Значительная часть внешних займов российского бизнеса, по крайней мере с позапрошлого года, идет на обслуживание и продление ранее взятых

займов. Пик выплат по ним приходится на IV квартал, и обслуживание этих выплат обуславливает ускоренный рост внешнего долга корпораций именно в IV квартале. Так, в IV квартале 2006 года внешний долг частного сектора России вырос на 21,4% при том, что годовой рост составил 49,1%.

В 2007 году российский бизнес уже не будет иметь возможности перекредитовываться и наращивать новую внешнюю задолженность так же свободно, как в прошлые годы.

Наиболее вероятный и естественный путь – уже начавшийся переход не состоятельных должников в собственность кредиторов. Банки готовы на все, чтобы не признавать безнадежными выданные ими кредиты (это подрывает репутацию, а значит – и финансовое положение банка). Это обеспечит относительно мягкий и спокойный переход банкротящихся компаний под контроль кредиторов, но не решит проблемы, а лишь отсрочит ее, так как российские банки в целом не смогут обеспечить существенное улучшение менеджмента и финансовое оздоровление компаний, переходящих под их контроль. В целом российский бизнес “выстроен” под стоимость кредита примерно в 10%, и он в массе своей не справится с произошедшим удорожанием кредита.

Перенесение бремени корпораций, скрывавших свои убытки, на их кредиторов не только отсрочивает общий кризис, но и увеличивает его масштабы, вовлекая в нее банковскую систему.

Исключение – компании, которые будут скуплены иностранным капиталом (в том числе после падения их капитализации, то есть за копейки), – но тот скупит далеко не всех, а, главное, масштабы этой скупки резко сократились. Поэтому рассчитывать на заметный демпфирующий эффект притока иностранного капитала не следует.

2.4. Перспективы банковского кризиса ликвидности

Сокращение положительного сальдо внешней торговли при сокращении притока капиталов означает резкое сокращение притока валюты и, соответственно, спазматическое ужесточение финансовой политики – в тот самый момент, когда экономика начнет остро нуждаться, наоборот, в ее смягчении для восполнения возникшей нехватки оборотных средств. Это нанесет болезненный удар по бизнесу, и в первую очередь – по банковской системе России.

Знаковым свидетельством глубины проблем с ликвидностью является решение о внеплановом выделении в 2007 году из федерального бюджета 180 млрд руб. “на развитие”, а на самом деле – на пополнение ликвидности трех крупнейших государственных банков России.

Возможности банковской системы России финансово поддержать своих заемщиков ограничены. Иностранные банки просто свертывают программы кредитования в России, ограничивая свои функции собиранием денег по ранее предоставленным кредитам. Из российских банков кредиты предоставляют лишь некоторые крупнейшие; основная же часть банков бросает все средства на покрытие кассовых разрывов.

В конце октября остатки на корсчетах банков в московском регионе опустились до минимального за 9 месяцев уровня – 247,7 млрд руб.; межбанковские ставки вновь увеличились (по данным “Росбизнесконсалтинга”, до 8–8,5% для банков первого круга и 8,5–9% для банков второго круга), причем российские банки продолжают испытывать дефицит рублевой ликвидности, создавая “подушку безопасности” на счетах в иностранных банках. За сентябрь средства российских банков на корсчетах в иностранных банках выросли на 37,8 млрд руб., а объем кредитов и депозитов, выданных банкам-нерезидентам, увеличился на 210 млрд руб.

К концу сентября банки сократили объемы средств на корсчетах в других банках на треть – до 80,5 млрд руб. “Банкиры вновь испытывают страх за свои средства”, – признают аналитики.

В сентябре банки вывели 320 млрд руб. из ценных бумаг; максимальный объем средств был выведен из долговых обязательств, которые сократились на 16% (до 1,5 трлн руб.). По данным экспертов, российские банки, сталкиваясь с дефицитом привлекательных объектов вложения средств, выстроили на рынке облигаций подлинную пирамиду, покупая облигации, закладывая в РЕПО, получая средства и снова покупая облигации. Сейчас эта пирамида рушится.

2.5. Необоснованные социальные ожидания

Несмотря на искусственное поддержание – в результате проведения либеральной политики – низкого уровня жизни в стране, “нефтедоллары” улучшили положение даже наименее обеспеченных россиян.

Так, по данным центра Левады, доля россиян, испытывающих нехватку денег на продукты (то есть нищих, живущих ниже прожиточного минимума), сократилась с 2001 по 2007 год с 23 до 12%. Доля россиян, которым хватает денег на еду, но не на одежду, сократилась с 42 до 31% – за счет роста доли тех, кому хватает денег на еду и одежду, но не товары длительного пользования (их доля выросла с 28 до 41%). Поскольку все эти категории людей являются бедными, уровень бедности в России сократился значительно меньше, чем уровень нищеты, – с 93 до 84% (по сравнению с сокращением уровня нищеты с 23 до 12%).

Доля людей, доходов которых хватает на покупку товаров длительного пользования (но не автомобиля), что соответствует потреблению “среднего класса”, выросла вдвое – с 7 до 15%.

Уровень жизни в центрах экономической активности (которых в России, несмотря на общее оживление, все же не слишком много) дополнительно поддерживается также острой нехваткой людей, сохранивших трудовую мотивацию и какие бы то ни было трудовые навыки. Дефицит рабочей силы (и особенно квалифицированной ее части) способствовал ускоренному росту оплаты труда инициативных людей, и россияне привыкли к тому, что так будет всегда.

Между тем финансовые возможности бизнеса, как показано выше, близки к исчерпанию, и предвыборный рост доходов населения (пусть и “съеденный” резко ускорившейся инфляцией), по-видимому, будет последним заметным его повышением.

Это вызовет болезненную реакцию населения, привыкшего к хотя и медленному, но все же улучшению условий своего существования. По данным центра Левады, 41% россиян ощутил улучшение условий жизни за последние 4 года, а ухудшение их – лишь 21% (хотя это и много для периода бурного оживления и “золотого дождя нефтедолларов”). Уверенность в завтрашнем дне испытывает в 2007 году 37–41% россиян – максимальный уровень за последние 18 лет (хотя не уверены в нем 55–58%).

Велико влияние и пропаганды: 58% россиян верят в наличие у президента Путина разрекламированного “Единой Россией” плана, способного “сделать Россию сильной, богатой, благополучной страной” (хотя только 6% полагают, что могут объяснить, в чем он состоит).

3. УСИЛИЯ ГОСУДАРСТВА: БЕЗГРАМОТНОСТЬ И КОРЫСТЬ

3.1. Кризис управляемости: заведомо временное правительство

Изменения в правительстве, проведенные в связи с заменой премьера, носят откровенно косметический и временный характер. Похоже, Греф и Зурабов были удалены именно в предвыборных целях – как вызывающие наибольшее раздражение населения.

Президент сохранил структуру правительства, изувеченную административной реформой 2004 года. Ситуация, при которой каждую задачу решают по принципу “у семи нянек дитя без глазу”, – министерство, определяющее политику, служба, осуществляющая контроль и надзор, и агентство, “предоставляющее госуслуги”, – не может длиться слишком долго. Неразделенность принципиально, институционально неуправляемых образований вроде Минздравсоцразвития или Минэкономразвития – также признак незавершенности перемен.

Пока же правительство, члены которого заняты в основном “спихотехникой”, остается ярким образчиком “итальянской забастовки”: каждый в строгом соответствии с полномочиями исполняет лишь свои обязанности – и ничего больше. В итоге дело стоит.

Отставка Зурабова вызвана, вероятно, завершением им концентрации финансовых потоков социальной сферы, на которые пришло время наложить лапу более близкому “к телу” клану.

Профессионализм Голиковой известен (в Минфине убеждены, что она разбирается в бюджете лучше Кудрина, хотя это и несложно), но не имеет от-

ношения к ее новым обязанностям. Ее назначение вызвано желанием президента преодолеть хаос, созданный его назначенцем Зурабовым в социальной сфере. Кризис системы дополнительного лекарственного обеспечения (ДЛО), вызванный бесконтрольным завышением цен на лекарства в интересах трейдеров и связанных с ними чиновников, действительно оказался болезненным для населения и бюджета, но его преодоление, как и финансовый порядок, – дело не министра, а максимум его заместителя.

Назначение Голиковой, как ранее Сердюкова, призванного “разгрести” финансовый хаос, возникший вследствие, выражаясь политкорректно, “альтернативной компетентности” филолога С. Иванова, показывает: Путин стремится хотя бы частично преодолеть беспорядок, созданный безнаказанностью подвластных ему чиновников. Но когда Голикова и Сердюков решат поставленные перед ними задачи, их придется заменять на людей, способных выполнять главную функцию министра – обеспечивать развитие соответствующих сфер.

Повышение Кудрина усиливает толкотню вице-премьеров (также требующую административного разрешения) и отвлекает его внимание от Минфина, и так ослабленного изъятием Голиковой.

Увольнение Грефа обесценено фигурой его сменщицы. Набиуллина – либеральный фундаменталист “правовернее аятоллы”, хотя последствия ее действий смягчает небрежность. *Она была первым заместителем Грефа, пока не подготовила проект программы социально-экономического развития, указывавший на недопустимость ответственности министров перед “абстрактным правительством” и требующий перехода к их ответственности перед “всеобществом” (то есть ни перед кем). Удивленный Касьянов минимум дважды просил Грефа, в том числе и при Набиуллиной, привести проект в человеческий вид, но после его представления без изменений в третий раз “в человеческий вид” было приведено руководство министерства.*

Набиуллина всегда занималась теорией и не сталкивалась с реальной экономической практикой; неудивительно, что в качестве одной из причин ее назначения называют стремление президента сохранить баланс между блондинками и брюнетками.

Теперь Греф станет героем не только немецкого бизнеса в России, но и сотрудников Минэкономразвития. На фоне нового министра его недостатки покажутся достоинствами.

Хорошая новость – завершение кавказской ссылки Козака. Бывший юрист-формалист многое понял, вытесняя разгневанных женщин из президентских приемных и беседуя с людьми в Беслане. Он получил огромные ресурсы для развития регионов; чтобы преодолеть сложившийся порядок их хаотичного и коррупциогенного распределения, ему придется вырвать процесс управления финансами из-под контроля кудринского Минфина.

Хорошим назначением является и превращение в премьера Зубкова, добросовестность которого не вызывает сомнений. Он будет идеальным “техническим” руководителем – хоть премьером, хоть президентом, – однако нет признаков того, что он может обеспечивать комплексную модернизацию страны, да еще и в условиях вырисовывающегося кризиса.

Изложенное интересно с точки зрения красоты интриг, изящества разворонок и по-ельцински внезапных “рокировок”. Но для страны ничего не изменилось: Путин вновь перетасовал исполнителей своей воли, показав их подбором неизменность своей политики.

Что же касается ответственности за судьбу России и качества управления – кто может всерьез размышлять о таких пустяках в заливаемой нефтедолларами стране, неотвратимо несущейся к назначению нового президента? Да еще и в правительстве, временный, промежуточный характер которого подчеркивается большинством назначений?

3.2. Антиинфляционные судороги: “Цены, на месте стой! – раз-два”

Замораживание цен на шесть групп “социально значимых” товаров (нежирные молоко и кефир, яйца, черный и белый хлеб, подсолнечное масло) даст лишь временный и ограниченный эффект, даже если государство обеспечит наличие этих продуктов в продаже.

Соглашение касается лишь 30 крупных торговых и производящих компаний, формальных санкций за нарушение нет, неформальное принуждение

бизнесменов к соблюдению этого соглашения осуществляется далеко не во всех регионах и неэффективно в силу своего насильственного, незаконного и непрозрачного характера. Не участвующие в нем монополисты могут повышать цены. Участники же соглашения смогут заняться “перекрестным субсидированием”, компенсируя недобор прибыли повышением цен на “социально незначимые” товары (это тем более вероятно из-за ухудшения финансового положения ряда сетевых торговых компаний).

По завершении действия соглашения – 1 февраля или 1 апреля – они смогут резко повысить цены. Таким образом, замораживание цен – лишь выигрывает времени.

Само по себе это не мало и не плохо, но правительство не сможет им воспользоваться, так как действенная антимонопольная политика противоречит интересам бизнеса и догмам либерального фундаментализма.

Недоразвитость сельского хозяйства и рабская зависимость от внешних рынков как причина инфляционного всплеска в полной мере не осознается правительством. Меры по комплексному развитию сельского хозяйства, сочетающие разумный (хотя бы на уровне развитых стран) протекционизм с развитием сельхозинфраструктуры и снятием искусственных барьеров на внутренних рынках, остаются вне сознания российского руководства; максимум, на что оно способно, – это точечные протекционистские меры, поддерживающие лоббистов, а не экономику.

При этом правительство обречено на противоречивые шаги, связанные не с экономической целесообразностью, а с интенсивностью давления различных лоббистских групп.

Результатом стал ажиотажный спрос как на подлежащие долгому хранению товары, цены на которые регулируются (в ожидании скачка цен по завершении периода регулирования), так и на “замещающие” товары, подлежащие долгому хранению (в первую очередь консервы).

Но самое главное, что основной причиной роста цен является не скачок цен на мировых рынках и не слабость сельского хозяйства, а монополизм российской торговли. Это было наглядно видно еще во время продовольственного кризиса в Калининградской области, рукотворность которого не вызывает сомнений и который позволил хорошо заработать. Схожие кризисы устраивались и раньше – как ради концентрации рынка, вытеснения с него малых компаний (“винный кризис” начала года из-за введения ЕГАИС), так и просто для распродажи остатков (соляной и несколько малых сахарных кризисов).

В случае осеннего скачка цен принципиально важно, что цены на продовольствие подскочили до того, как на рынок поступили закупленные по более высоким ценам. **Это значит, что инфляция вызвана тотальным злоупотреблением монопольным положением.** Подтверждает это и ситуация на отдельных рынках: “немотивированное” ускорение роста цен на стройматериалы на две трети – с 8,2 до 13,6% и удорожание в сентябре яиц на 6,1%.

Борьба же со злоупотреблением монопольным положением практически не ведется – подготовленный законопроект об упрощении регистрации торговых точек, необходимости вписывания торговых центров в архитектурный облик населенного пункта и незначительном снижении “порогового” уровня концентрации рынка, вызывающего внимание антимонопольных органов, окажут на реальную жизнь не большее влияние, чем статья в газете.

Ограничение злоупотребления монопольным положением не только технологически сложно, не только почти не допускается законодательством (оно до сих пор требует доказательств прямого сговора, которого может не быть вообще, и не позволяет снижать необоснованно завышенные цены, как в некоторых развитых странах), но и политически опасно. Ведь прекращение монопольного завышения цен лишит бизнес средств для выплат взяток и лишит коррумпированную бюрократию значительной части денег.

3.3. Разрушение инфраструктуры: “дураки и дороги”, не говоря об энергетиках

Развитие требует инвестиций (в частности, в производство электроэнергии, нехватка которой уже блокирует развитие ряда регионов), а инвестициями придется тщательно управлять, что создает конкурентные преимущества для эффективных производственных компаний (при наличии “халявы” конкурентные преимущества имеют те или иные спекулянты).

Но число компаний, имеющих финансовые резервы для осуществления необходимых инвестиций, ограничено, что создает объективные потребности для государственных инвестиций, необходимых хотя бы для поддержания условий для ведения бизнеса (в первую очередь инфраструктурных – электроэнергетики и автодорог). Однако в современных условиях, когда государство не имеет инструментов ни для отбора и разработки проектов, ни для контроля использования средств, такая потребность грозит массовым разворовыванием денег.

Реально осуществляемые (а не пропагандируемые) реформы не дают модернизировать инфраструктуру. Так, реформа электроэнергетики дробит единый технологический комплекс и повышает ограничения по доступу к электроэнергии, с которыми сталкивается уже до 80% новых потребителей. Дошло до того, что уже сегодня в ряде регионов России невозможность подключиться к электросетям стала основным ограничением хозяйственной активности.

Ввод энерго мощностей заведомо недостаточен. В 2000 году, по данным Минэкономразвития, он составил 0,6 ГВт, в 2001-м – 1,9, в 2002-м – 0,9, в 2003-м – 2,0, в 2004-м – 2,2, в 2005-м – 1,9, в 2006 – 1,4, в 2007 году – 2,5 ГВт. В то же время потребление за это время выросло с 864 до 1001 млрд кВт·ч и будет равномерно расти дальше.

Ввод автодорог и вовсе сократился за первый срок правления Путина втрое и сейчас стагнирует. Так, в 2000 году он, по данным Минэкономразвития, составил 6,6 тыс. км (рекорд после 1997–1999 годов, но меньше, чем до 1995 года, когда строительство автодорог продолжалось во многом по советской инерции), в 2001-м – 4,5, в 2002-м – 4,0, в 2003-м – 2,8 и в 2004-м – 2,2 тыс. км. После этого начался крайне медленный рост – до 2,3 тыс. км в 2005-м, 2,4 в 2006-м и 2,5 тыс. км в 2007 году. Из-за износа автодорог с 2004 года их выбытие превышает ввод в действие, и их общая протяженность за это время сократилась – при равномерном росте грузооборота автомобильного транспорта (без пассажирооборота!) – со 100 млрд тонно-километров в 2000 году до 131 млрд в 2007 году.

3.4. Бюджетный беспредел-2007: недобор доходов и рост расходов в 2,3 раза

Государство реагирует на описанные вызовы ростом бюджетных расходов, нацеленным, однако, как можно понять, не столько на решение реальных проблем, сколько на новое, кардинальное повышение коррупционных доходов правящей бюрократии.

Расходы 2007 года вырастут с 5463,5 до 6531,4 млрд руб. – на 1067,9 млрд руб., или на 19,6%. Еще сильнее вырастут **расходы IV квартала 2007 года: они увеличатся с 1307,8 до 3047,7 млрд руб. – в 2,33 раза!** О равномерности расходов можно забыть: в IV квартале будет потрачено 46,7% годовых расходов бюджета! Это чрезмерно даже с учетом неизбежного предвыборного дополнительного финансирования разнообразных расходов.

В начале ноября министр финансов Кудрин огорошил аналитиков указанием на якобы неинфляционный характер дополнительных расходов федерального бюджета на 2007 год, так как из предусмотренных законом 1067,7 млрд руб. непосредственно потрачено в 2007 году будет только 47 млрд руб.

Ничего себе закон, исполнение которого предусмотрено на 4,4%!

470 млрд руб. дополнительных расходов 2007 года, по словам Кудрина, будет перенесено на 2008 год. Эти средства будут профинансированы, то есть выданы бюджетополучателям, но будут задержаны на их счетах до 2008 года.

Так как счета бюджетополучателей находятся в Федеральном казначействе, вне банковской системы, это значит, что данные средства будут физически потрачены в начале 2008 года (дополнительно к средствам, запланированным на этот год) и приведут к ускорению инфляции (в силу прежде всего монополизации рынков, на которых их будут тратить) не в начале года, а в апреле-мае, уже после президентских выборов. Таким образом, январский всплеск инфляции, вызванный ростом регулируемых цен и тарифов естественных монополий, будет сглажен и частично перенесен на период после выборов.

3.5. Бюджетный беспредел-2008–2010: внутренние займы для Резервного фонда

После масштабных погашений внешнего госдолга, сопровождавшихся существенными штрафами (только в августе 2006 года за досрочное погашение 22 млрд долл. Парижскому клубу Россия заплатила 1 млрд долл. штрафа), выплаты по нему превратились вроде бы в техническую задачу, решаемую “без шума и пыли”. Но там, где нет “шума”, то есть огласки, и начинаются в нашем государстве те самые мелочи, в которых прячется дьявол.

В январе-июне 2007 года сокращение внешнего госдолга – 109,3 млрд руб. – было почти равно приросту госдолга внутреннего – 110,4 млрд. Внутренние займы брались исключительно для сокращения внешнего долга, а бюджет буквально изнемогал под грузом “лишних” денег, которые не успевали “стерилизовать”! Эта политика была намечена на весь 2007 год: рост внутреннего госдолга (на 161,3 млрд руб.) шёл на сокращение госдолга внешнего (на 161,4 млрд).

Но в III квартале сокращение внешнего долга было минимальным (на 21,2 млрд руб.), и внутренние займы, сальдо которых за июль-сентябрь составило 55,1 млрд руб., почти на две трети “замораживались” в бюджете. Это не вызванная сезонностью случайность, а проявление замены долговой политики “образца 2006 года” (внутренние займы для погашения внешнего долга) на новую. Бюджет 2008–2010 годов предусматривает рост в 1,8 раза внутренних займов (в виде госбумаг): с 293,6 млрд руб. в 2007 году до 522,9 млрд в 2010 году. Внутренний госдолг может быть наращен более чем вдвое: с 1,4 трлн руб. по итогам 2007 года до 2,9 трлн руб. в конце 2010 года.

В итоге снижение госдолга с 9,0% ВВП в 2006 году и 8,5% в 2007 году сменится его ростом до 9,1% ВВП в 2010 году.

О направлении расходования займов и, соответственно, об их смысле в бюджетных документах не говорится ничего. Масштабных погашений внешнего долга не планируется, а отсутствие дефицита бюджета исключает возможность направления займов на нужды общества.

Единственное рациональное объяснение – стремление таким изощренным способом, как рост внутренних займов, поддержать за счет бюджета внутренний фондовый рынок. Но масштабы и стоимость такой поддержки заведомо чрезмерны: достаточно рефинансировать внутренний долг, то есть погашать старые займы за счет новых. При этом можно сохранять неизменным если и не сам долг, то хотя бы расходы на его обслуживание, что позволяло бы даже увеличивать его за счет постепенного снижения стоимости займов.

Похоже, смысл наращивания внутреннего госдолга в том, что финансовые институты, близкие к правящей бюрократии (и не обязательно формально государственные), в приоритетном порядке получают возможность предоставлять займы государству – а значит, и получать гарантированную прибыль за счет бюджета.

Россия станет развитой страной не после ритуального “удвоения ВВП в семь раз”, а когда политику государства можно будет объяснить без коррупционной мотивации его руководства.

3.6. Греф в Сбербанке: дополнительный фактор дестабилизации

28 ноября Греф официально назначен руководителем Сбербанка. Решение президента о замене Казьмина на Грефа было неожиданным. По некоторым косвенным признакам похоже, что Греф выпросил должность руководителя Сбербанка в качестве отступного за свою отставку с поста министра экономического развития и торговли.

Опасность того, что Греф “завалит” работу Сбербанка, вызвана следующим:

– вместе с Казьминым из Сбербанка уходит его команда, а Греф вряд ли сможет собрать эффективную управленческую команду (он этого не умеет); тем более его поспешно набранная команда не сможет разобраться в Сбербанке, специфика которого исключительно велика;

– Казьмин обеспечил Сбербанку в 2007 году рекордную прибыль (ожидался 100 млрд руб.); в 2008 году повторить этот результат не удастся, а фондовые аналитики болезненно реагируют даже на замедление темпа роста прибыли, а не на ее сокращение; поэтому после I квартала 2008 года, когда прибыль Сбербанка сократится по вполне объективным причинам, они забьют тревогу и “уронят” его капитализацию (что повлияет на весь фондовый рынок России);

– Сбербанк уже испытывает определенные трудности – с ними могут справиться профессионалы, обладающие репутацией в банковских кругах, но не “чужак”;

– в силу общеизвестных управленческих способностей Грефа его приход может вызвать в Сбербанке управленческий хаос.

Между тем дестабилизация Сбербанка – это дестабилизация даже не банковской системы, но всей экономики и всей политической системы России.

НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ СЦЕНАРИЙ: ПРИВЕТ “ТЕХНИЧЕСКОМУ ПРЕЗИДЕНТУ”

Ключевой вопрос современного экономического развития – сможет ли правительство “закрыть дыру”, образовавшуюся в финансах российского бизнеса, и плавно “охладить” экономику с ее санацией и общим повышением качества корпоративного управления.

Накопленные бюджетом и Центробанком средства достаточны для решения этой проблемы, однако правительство не справится с ней из-за:

– близорукости (оно даже не сознает и, соответственно, не ставит соответствующую задачу);

– отсутствия специалистов;

– бюрократической раздробленности.

Наиболее вероятно, что до президентских выборов государство будет удерживать ситуацию “в рамках приличия”, оперативно решая отдельные проблемы по мере их обострения. При этом оно не будет осознавать, что эти отдельные проблемы являются лишь частными проявлениями постепенно нарастающего общего структурного кризиса российской экономики. Поэтому оно будет не столько по-настоящему решать эти проблемы, сколько снимать их остроту, откладывая “на потом” их более масштабные проявления.

Принципиально важно, что в силу общей безответственности, плохой координации и менеджмента, а также страха подставиться под удар враждебных политических кланов решения будут приниматься с опозданием, когда обострение проблем будет становиться существенным и их временная нейтрализация будет осуществляться со значительно большими материальными и репутационными издержками, чем можно этого ожидать.

Политика неэффективной и запаздывающей нейтрализации отдельных проявлений общего структурного кризиса будет продолжаться до президентских выборов, когда правительство и руководство Банка России будут обновлены, но в силу природы нынешнего государства их эффективность не повысится.

После президентских выборов стабильность в силу общей погруженности в политические проблемы и наступления летних каникул удастся поддерживать до конца июля (так как участники рынка будут видеть опасности и “играть на опережение”), после чего опасность перехода структурного кризиса российской экономики в открытую форму станет реальной.

Переход структурного кризиса в открытую форму, как представляется, будет означать:

– прекращение обслуживания рядом компаний своей задолженности;

– продажу ряда активов (в первую очередь непрофильных) для получения наличности и, соответственно, падение фондового рынка и удешевление недвижимости;

– серьезный в масштабах всей банковской системы кризис ликвидности.

Поскольку государство будет пытаться смягчать эти проблемы выделением плохо контролируемых средств, произойдет новое ускорение инфляции и, вероятно, ослабление рубля.

Но это произойдет уже после назначения следующего президента.